

ТЫ ЭТО Я

Әбілдахан Ермек

18+

Ермек Алмазханұлы Әбілдахан

Ты это я

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68746605

SelfPub; 2023

Аннотация

27-летний Еркин, работая фельдшером скорой помощи, ежедневно сталкивается с опасностями для жизни человека. Но кто спасет его? Пациент, которому он помог, оказывается мертвым на следующий день. Он уверен в своей невиновности, но как это доказать?

Ермек Әбілдахан

Ты это я

Я не понимаю, почему я оказался здесь. Прикованный наручниками по подозрению в убийстве...

Этого не может быть. Как можно оказаться главным подозреваемым по делу об убийстве, если ты являешься представителем профессии, служащим во имя спасению главного богатства человека – его здоровью и жизни. Полагаю, это какая-то невыносимая ошибка и ужасное стечение обстоятельств, когда диспетчер направила меня к дому убитого из-за повышения у него в тот день давления. Этого пациента знала вся подстанция, так как давления у него повышается со стабильностью каждые 2-3 дня, а на просьбу принимать таблетки он смотрит с презрением. Обычно фельдшера работают в команде из двух человек, но мой друг двумя днями прежде свалился в постели из-за Covid-19. Пришлось заходить домой одному. Черт бы побрал эту болезнь, моего друга и подстанцию, в которой не хватает работников, чтобы его заменить. Тогда бы у меня было хоть какое-то алиби.

Я уже 2 час жду полицейского для моего допроса в серой, крохотной и унылой комнатухе, единственным достоинством которого служит этот стол. Окно своим видом обращает меня на буран, происходящий на улице и 5-этажные здания, заваленные снегом. Обычно в Алматы теплая пого-

да, только вот сегодня исключение... Как в принципе, и мое положение.

А настоящий ли буран? А может и то, что я сижу здесь, всего лишь сон?

Дверь открывается...

– Мы на месте – сообщает мне таксист.

Отдав ему положенную сумму, я выхожу из машины. Отсюда до подстанции пройти всего примерно 500 метров. Люблю прогуляться, нравится думать, что воздух утренний холодящий воздух бодрит мозг и очищает его от мыслей. Ненужных мыслей ...

Утро 6:40. Мы заступаем на смену к семи часам утра. Времени вдоволь, чтобы успеть, так что я иду медленным и размеренным шагами. Погода это позволяет, солнце немного выглядывает из-под горизонта, но все равно не так прохладно. За последние годы в Алматы зима напоминает о себе лишь в феврале, когда холодно по-настоящему. Пейзаж города весьма уныл: там вдалеке как всегда что-то строится, окружающие здания кажутся мрачными. Кое-где они украшены граффити, которые будто вдыхают в них жизни, множество мелких магазинчиков и аптек. Черт, как же болит голова! Принимаю таблетку цитрамона.

Головная боль – не единственная проблема в моей голове. С ней не что-то не то последние два года.

Галлюцинации ...

Иногда я слышу и вижу вещи, которые не происходят со мной по-настоящему. Я не алкоголик и не наркоман. По долгу работы мне приходится встречаться с такими людьми. Они говорят, что ковер не плоский, а выпуклый, узоры на них напоминают лица людей или насекомых. У них хотя бы известна причина этих видений, так почему я оказался среди них? Полагаю, ответы на многие вопросы жизни так и останутся не решенными никогда.

Ну вот я уже подошел к 2-этажному зданию, огороженному забором. 10 подстанция. Недавно здесь сделали ремонт, и оно кажется менее унылым, чем могло быть. Возле тамбура как всегда стояло несколько курящих коллег – привычное дополнение к фасаду. Поздоровавшись со всеми, я сел за стол в ожидании вызова. Абылай – 2 фельдшер приболел, так что справляться я был вынужден один.

– Как Жизнь? Уфф, что за запах от тебя? Ты давно мылся в душе? – спрашивает меня Арай – единственный, не успевший очерстветь человек в нашей компании.

– Неплохо. Два дня назад – отвечаю я.

– Спасибо, что спросил, как у меня. У меня хорошо. Как семья?

– Прости, Арай. Я немного устал, голова не варит. Арзу в порядке, немного приболела. Гульдана в школе. Ты когда найдешь свою 2 половинку?

– Пусть выздоравливает. Сейчас эпидемия гриппа, при мне в автобусе успело чихнуть четверо людей, так что неуди-

вительно – ответила она мне, игнорируя мой вопрос. Ей никогда не нравилось затрагивать эту часть её жизни. Я не обижаюсь, считая это игнорирование милой, придающей ей особенность чертой характера. – Тебе бы не помешало тоже поспать, выходишь через день.

– Улажу все дела и отдохну – отвечаю я ей, улыбаясь.

Под делами я подразумевал – накопление на квартиру в Алматы, чтобы не вставать в пять утра и добираться до работы полтора часа, её ремонт и обустройство. Я копил на неё пять лет, осталось еще немного. И не помешало бы разобраться с галлюцинациями. Я не хочу, чтобы об этом узнали на работе. Лишиться источника дохода – то, что мне нужно меньше всего. К тому же мне известно, что большинство психических заболеваний преследует тебя всю жизнь, мне нельзя вставать на диспансерный учет к психиатру, но меня волнует что галлюцинации становятся больше...

Ничего, перетерплю.

– Седьмая бригада, седьмая бригада – вещает диспетчер и понимаю, что мне пора.

Я подхожу к окошку, за которым она сидит:

– Езжайте быстрее, со слов родных остановка сердца – говорит она, и я мигом выхожу из здания.

С водителем Мишей мы на всех порах мчимся по городу. Красный код- помощь необходимо оказать как можно скорее. Человек умирает.

Машина скорой помощи игнорирует многие правила до-

рожного движения, что вполне законно. Адекватные водители машин и автобусов всячески содействуют ему в этом, уступая дорогу. Пожалуй, единственным ограничением ему в этом является яркое красное свечение светофора, иначе они сами оказываются под риском оказаться на том свете. Хаос тоже нуждается в некоем подобии порядка.

Проехав 40 минут до пункта назначения, я беру свою красную сумку с набором всякой всячины для оказания неотложной помощи. Главным в данном случае, я предполагаю, окажется дефибриллятор, но я ошибаюсь...

Перед частным домом с воротами с практически стершейся краской плачет молодая женщина, подбадриваемой мужчиной старше. Вбегаю, не обращая внимания, дальше в глубину дома. Переступая порог и поворачивая вправо, вижу женщину старшего возраста. Картина, видимая не единожды, руки слегка согнуты, так что с трудом возвращаются в нормальное положение, слегка приоткрытый рот, холодная кожа на ощупь. Другими словами – нет признаков жизни: ни дыхания, ни сердцебиения, начинающееся трупное окоченение. Чтобы окончательно убедить себя свечу фонариком на зрачки – нет сужения и, приподнимая одежду, вижу участки сине-фиолетовой окраски сбоку – трупные пятна. Её уже не спасти. Восьмая смерть до приезда за мою 6-летнюю карьеру.

Внутрь заходит сын.

– Мне жаль, но она мертва – сообщая я ему. Он лишь грустно и тяжело вздыхает. – Чем-то болела?

– С сердцем у неё проблемы были давно – фибрилляция предсердий плюс операцию ей сделали месяца два назад – стент поставили – отвечает мне, в то время как взгляд его сфокусирован на лице его мамы.

– Препараты принимала регулярно? – спрашиваю я.

– Насколько мне известно – да.

Вероятные причины смерти, вспыхнувшие в моей голове после этого диалога – инфаркт сердца, вызванный тромбозом ранее стентированной коронарной артерий, либо неконтролируемая фибрилляция. Точнее установит патологоанатом. После уточнения места прикрепленной больницы, я прошу их отправить свой фельдшерский наряд, который довезет её в морг. Бросаю последний взгляд на Анастасию Вячеславовну. 74 года – неплохой срок. Она открывает глаза и губами безмолвно шепчет – «Не спас».

Опять глюки. Привычное дело...

Я ухожу тихо, оставляя их семью наедине со своим горем. Дочка плачет, сын переносит горе, запрятав его глубоко внутри себя. Или не горюет вовсе. Этого, боюсь, никогда не узнать – может, к счастью? Люди одной крови, по-разному переносящие горе.

Доезжаем до нашей подстанции, я отдаю диспетчеру карту вызова. Не пришлось потратить ни 1 лекарственного препарата. Диагноз – смерть до приезда.

Я сажусь за стол в ожидании нового вызова – привычная позиция. Мог бы я подняться на второй этаж и полежать на

раскладушке? Наверное, нет, все не выходит головы лицо погибшей старушки. Может, стресс побудил новые глюки? Но сказать, чтобы я сильно переживал или расчувствовался по поводу её смерти, я тоже не могу. Мои размышления прерывает Арай:

– Что такой хмурый?

– Ничего – отвечаю ей я. Не хочу говорить о смерти. Мрачности итак хватает в моей жизни.

– Слушай, Еркин, я обещала завтра подменить Алишера завтра на работе, но у меня нарисовались планы, – тараторит она мне. – Сможешь, пожалуйста, заменить меня? Я бы не просила не будь это так важно. Я заменю тебя в другой день – говорит она мне умоляющим тоном и просящими глазами.

– Хорошо, если купишь мне латте – говорю ей я. Мне не впервой сталкиваться с прерывистым сном в течение двух дней. Помнится, я пробовал и третий день подряд, но, увы, я слишком переоценил свои способности. Зато выплусь два дня подряд, ради этого стоит помучиться. Надо только предупредить об этом Арзу – мой лучик света в этой жизни, ведь ближе неё у меня никого нет.

Я не знаю своих родителей. Трудно понять, какие жизненные обстоятельства вынудили их оставить меня в детдоме. Выяснить это не имеет никакого смысла. Что произошло – то не исправить. Факт в том, что я рос без материнской любви и отцовской заботы в облупленных стенах с 2-х разовым скудным питанием и детьми, объединенными общей бедой. Ат-

мосфера безнадежности и гнета знакома мне с детства не понаслышке. После 9 классов я поступил в медицинский колледж и получил диплом фельдшера. Сразу устроившись на работу, первое время из-за отсутствия жилья, приходилось ночевать на подстанции, пока на первую зарплату не смог позволить оплатить за подселение к людям, ошибочно принявшим их за друзей. Никто из них так и не пришел на нашу скудную свадьбу и вернул долги, когда я от них съехал к ней в Бурылды – село в 2 км от Алматы. Из родителей у неё была только мать, которая умерла после 3 месяцев с момента нашей свадьбы, угодив под колеса проезжавшего грузовика. Год спустя на свет появилась Гульдана – наша любовь сейчас обучается в 4 классе.

Долго слышатся звоны гудка, пока наконец на том конце провода не раздается:

– Ало?

– Арзу, привет. Слушай, тут надо мне заменить коллегу на завтра, так что не жди меня завтра.

– Опять ты пропадаешь на работе – с укором говорит она мне.

– Обещаю, что два дня после я буду с вами – произношу я с ноткой раздражения, всячески пытаюсь это скрыть. Я ведь стараюсь ради них. Не нужно быть гением, чтобы понять, чем больше ты работаешь – тем больше тебе капает денег в конце месяца.

– Хорошо, – говорит она со вздохом. – Только береги себя

ради нас. У нас ведь скоро появится второй ребенок, тебе нужны силы на партнерских родах.

– Конечно, и вы. Целую.

Как можно забыть о втором ребенке и о словах, произнесенных мною, перед тем как Арзу сообщила об этой новости.

– Ты счастлив? – спросила она шесть месяцев назад.

– Тяжело быть счастливым, когда голова забита лишь мыслями о хлебе насущном. О том, как бы заработать нормальные деньги и перестать жить подобной жизнью в этом месте.

Я не успел договорить ей, что «скоро все изменится». Я был на взводе из-за того, что денег вечно не хватало, что у меня 2 год подряд не получается осуществить свою мечту – набрать достойный балл на КТА, чтобы поступить в медицинский университет и стать врачом. Быть на ступеньку выше в медицинской иерархии.

Она приняла моё паршивое настроение на свой счет.

– Ты не счастлив со мной. Ты хотя бы иногда довольствуешься тем, что имеешь, Еркин?

Я промолчал.

– Я беременна, не знаю, обрадует ли это тебя или огорчит...

Произнеся будничным тоном, она уходит в соседнюю комнату, чтобы помочь Гульдане с домашними заданиями, в то время как я разбирал решение химических задач по органике, пытаюсь вновь и вновь вникнуть в алгоритм их решения. Я промолчал и тогда. Не знаю, почему я это сделал, почему

не подошел к ней после и не сказал, что я рад быть с ней. Только спустя пару дней я сказал ей, что был счастлив услышать эту новость.

Услышав номер своей бригады, я подхожу к окну диспетчерской, где мне передают карту вызова с надписью: Бронхиальная астма. Что же, значит пора выдвигаться пока человек не задохнулся. Ко мне подбегает Арай и говорит, что поедет со мной.

– Почему? – недоуменно спрашиваю я.

– У второго фельдшера проблемы с желудком, так что на сегодня мы вдвоем. Так и будем стоять?

Доехав до многоэтажного здания и поднявшись по лестнице на четвертый этаж, мы оказываемся на пороге дома. Этот свист во время приступа бронхиальной астмы тяжело спутать. Нас встречает девушка с голубыми глазами и низким ростом, тело которой скрыто под хиджабом.

– Проходите – зовет она нас и ведет в зал, где на диване с трудом дышит её бабушка. – Мы брызгали несколько раз, но не помогает.

Внезапно она предстает передо мной в образе плачущей девушки на первом вызове, мать которой спасти так и не удалось.

– Дайте-ка паспорт вашей матери, пожалуйста. Из-за чего начался приступ? – спрашиваю я.

– Мы немного повздорили – говорит девушка в хиджабе

и отпускает глаза.

– Сколько раз вы сделали ингаляции сальбутамола?

– Раза три примерно.

Я готовлю и набираю в шприц раствор преднизолона, подготавливаю локтевую вену и медленно ввожу препарат.

– Чувствуете улучшение – спрашиваю я у бабушки.

– Нет – с тяжестью в голосе отвечает она.

Странно. Арай подходит ко мне и шепчет:

– Дай-ка мне и вводит другой шприц, после чего пациентке становится лучше.

Она зачем-то мерит её давление и, после профилактической беседы о важности эмоционального покоя и повторной консультации у аллерголога, покидаем их дом.

– Что это было? – спрашиваю я у Арай после того, как мы вышли в подъезд.

– Это я должна спросить – отвечает она резко. – Зачем ты ввёл ей лекарство для снижения давления? Чтобы мы делали, если бы у неё случился коллапс?

– Я ведь вводил преднизолон, что ты несешь? – непонимающе отвечаю я ей.

– Ты ввёл ей эналаприл. Слушай, давно ты был у офтальмолога?

Проблема была не в зрении. У меня никогда не было проблем со зрением, и чрезмерно усталым я бы себя не охарактеризовал. Скорее, это очередная галлюцинация. Черт бы их побрал. Какая-то это стала обыденность, которую переста-

ешь бояться. Люди со временем могут привыкнуть к самым необычным и немыслимым вещам.

– Прости, не знаю, как так вышло – говорю я ей, благодарный ей за помощь. Ей не стоит знать о проблемах с головой. – Как-нибудь обязательно схожу провериться – лгу я ей.

Как всегда после вызова мы втроем: я, Арай и Миша болтаем о всякой возможной всячине: семья, дом, работа, отдых, досуг, служба в армии у Миши.

Не успеваем мы доехать до подстанции, как нас беспокоит новый вызов:

– Седьмая бригада, слышите меня? – спрашивает диспетчер.

– Слышим хорошо – отвечаю я.

– Недалеко от вас находится дом, поступил вызов, что ребенок подавился семечкой, срочно езжайте туда. Адрес: Шарипова, 182, 4 подъезд, квартира номер 5.

После вбивания адреса на планшет, мы мчим туда. По моим предварительным суждениям, если они верны, путь занимает примерно в 2 раза больше времени, чем непосредственное оказание нами помощи. Сколько бы времени мы могли бы сэкономить – изобрети к этому времени телепорт. Бац – и ты на месте! Люблю предаваться бессмысленным мечтаниям, но реальность ждет. Вот мы и в квартире, нас встречает мама малыша, который смотрит на нас, как ни в чем не бывало.

– Будьте добры свидетельство о рождении. И что произо-

шло?

– Мы были на кухне, оставила малыша в спальне, а там на тумбочке лежало пару семечек. Прихожу и вижу что несколько лежат на полу. Забеспокоилась: поняла, что он их проглотил. Осмотрела рот: а там отломок семечки.

Я беру миниатюрный шпатель, отодвигаю язык и вижу отломок на границе ротовой полости и глотки. Ребенок плачет – фон, к которому тоже привыкаешь со временем. Спокойные малыши – исключение из ряда вон.

– Ему повезло, что он не прошел дальше – подчеркивает Арай деловитым тоном.

– Мама, значит, вы держите малыша, – велю уже я ей, тем временем отодвигая язык и продвигая зажим к месту отломка семечки. Осторожно вытягиваю её. Тут изо рта малыша начинают вылезать множество червей. Я замираю на пару секунд, пытаюсь прийти в себя и ожидая исчезновение этих тварей.

– Все в порядке? – спрашиваю меня Арай.

– Да – отвечаю я ей после того, как видения проходят. Возвращается то, что есть на самом деле – отломок семечки, которую я должен вытащить. Дрожащими руками продолжаю осторожно вытягивать – вот и все, после чего пытаюсь успокоить малыша. Как всегда безуспешно. Мне бы сейчас себя успокоить: хватаюсь руками друг о друга, чтобы унять дрожь и не показать его остальным.

– Спасибо вам большое – благодарит она меня и протяги-

вает руку.

Позади неё вспыхивает силуэт моей дочки – Гульданы. Цвет кожи у неё мертвенно-бледный и выражение лица, как в моих снах. Один и тот же сон мучает меня на протяжении двух месяцев.

– Не за что, берегите её – говорю я ей и выхожу из дома, не протянув ей свою.

Гульдана падает с какой-то вышки, при этом она шепчет с улыбкой: «Одумайся, отец». При этом, несмотря на дальность, я слышу этот шепот настолько отчетливо, что, кажется, будто слова вылетают на расстоянии вытянутой руки. Какой-то ночью я с криками вскакиваю с кровати из-за этого:

– Из-за чего тебя гложит чувство вины?

– Я не знаю – произношу я, плача. Подхожу к спящей дочке и тихонько целую её в лоб, чтобы она не проснулась. Время: три с половиной ночи. Могу еще поспать два часа, но уснуть не получается.

Возвращаюсь к реальности: доезжаем до подстанции и ждем вызова. И так каждый день...

К четырем часам ночи после последнего пятнадцатого вызова на тот день, я, уставшим и злым, сваливаюсь на раскладушку. Последний вызов касался маленького мальчика, часть уха которого отгрызла, по словам его мамы, мышка. Произведя первичную хирургическую обработку раны, мы отвезли 9-летнего мальчика в инфекционную больницу. Там решат, какие сыворотки в данном случае ему необходимы.

– Слушай, может неэтично говорить такие вещи, но тебе надо искупаться, от тебя разит странным запахом на протяжении недели.

– Это первое, что я сделаю, когда вернусь домой – говорю я, не понимая, что за запах я истончаю. Я, правда, не считаю, что от меня как-то неприятно пахнет.

Ближе к 7 часам утра, еще раз поблагодарив меня за её замену, Арай пошла домой. Тот день и оказался роковым. Работая один на следующие 24-часа, я оказывал помощь людям с травмой, ножевым ранением, аллергией и контингенту больных с повышенным артериальным давлением. Последний такой вызов пришелся к пяти часам утра. Тот самый, которого знала вся бригада. Звали мы его дедушкой Кобыланды, ночью он почувствовал сильную головную боль, шум в ушах и мушки перед глазами.

– Я принял таблетку конкора – с гордостью сообщает он мне.

Он был убежден, что таблетки надо принимать только во время подъема давления, и никакие профилактические беседы не смогли убедить его в обратном. Сначала я злился из-за того, но постепенно привык к мысли, что его уже не переубедить. Как бы тяжело не было порой признавать поражения, от него не уйти. Жаль, что рано или поздно, он пополнит число людей с инсультом или инфарктом. Удивительно, как его сосуды все еще выдерживают.

– Давайте сюда руку – говорю я ему.

Попав в вену, я ввожу ему нужный препарат. Десять минут спустя вновь его измеряю и вижу его нормализацию.

– В норме, вам лучше? – спрашиваю я.

– Спасибо, сынок – отвечает он мне, после чего я ушел.

Утром в дверь громко постучались и, зачитав мои права и предъявив ордер об обыске, усадили в машину и привезли сюда в отделение полиции.

Наконец-то заходит полицейский с папкой в руке и садится за стул напротив. Мужчина солидного возраста в полицейской форме, лицо которого испещрено множеством морщин и формирующимся животом. Его карие глаза так и пронзают меня, готовые проделать дыру. Я жду момента, когда он начнет разговор. Мне не стоит торопиться просить у них адвоката. Он мне не нужен. То, что я оказался здесь – ошибка полицейских, которые отнимают у меня заслуженный отдых в компании моей жены и ребенка.

– Еркин Серикбаев, вы обвиняетесь в убийстве Кобыланды Бахытжановича 1943 года рождения. Вам нужен адвокат?

– Нет. Почему вы решили, что это моих рук дело?

– Вам лучше сотрудничать со следствием – жестко отвечает он мне.

– Не моя вина в том, что полиция так плохо справляется с делом, если сижу здесь я.

Он лишь потирает глаза и со вздохом продолжает:

– Нам известно, что вы заходили к нему к 5:40 часам утра

и через 20 минут покинули дом. Его дочка пришла позднее к 7 часам утра после поезда и обнаружила его мертвой. Он был жив, когда вы к нему приехали?

– Да – растерянно произношу я. – Но у него ведь мог случиться инсульт или инфаркт. Порой люди погибают моментально от этих напастей и медицина бессильна.

– Но он был жив, когда вы приехали?

– Да, мы знаем этого старика давно в нашей подстанции, наверное, каждый сотрудник успел с ним познакомиться. У него часто поднималось давление, и мы все время его снижали. И в тот день, я сделал всё, как всегда. Ввел ему препарат и оно снизилось. Я просто сделал свою работу. Я не убивал его – произнес последнее с чрезмерным напором, все-таки выйдя из себя.

– Мы не задерживаем первого встречного, Еркин. Как бы плохо не отзывались о полиции люди, я на этой работе почти 20 лет и успел повидать подонков. Так что последний шанс на чистосердечное признание.

– Мне не в чем признаваться – отвечаю я ему сухо.

– В таком случае как ты объяснишь признаки воздушной эмболии у него в сердце, мозгу и легких? Это заключение патологоанатома и, учитывая у него отсутствие следов побоя или других признаков насилия, логичной причиной его смерти является то, что ты ввёл ему воздух. Это мне подсказал тот же патологоанатом.

Я замираю, не в силах выговорить ни слова.

– Как ... такое ... возможно? – произношу я. Следователь не говорит ни слова. Эта тишина кажется оглушительнее выстрела гранатомета. – Должно быть другое объяснение – наконец произношу я.

– Уверен, должно, как и объяснение, почему ты убил свою семью? – с этими словами он кидает на стол фотографии Арзу и Гульнары с перерезанными горлами.

Нет, этого не может быть, это галлюцинация. Я не верю ...

– Я недавно разговаривал с судмедэкспертом, производшим их вскрытия. По его предварительным данным, смерть наступила примерно 2-3 недели назад.

Я не произношу ни слова. Кажется, что мой рот заполнен чем-то вроде жижи, а рука начинает сильнее потряхивать.

– Зачем ты держал их дома на протяжении стольких дней?

Я крепко закрываю глаза.

Когда открываю их, оказываюсь закованным в умирительной рубашке в желтой комнате с мягкими стенами. Такие призваны, чтобы о них не разбили головы. Чувствую сильную усталость, но нахожу в себе силы врезаться в стену. Я отлетаю, мои очки разбиваются, в нем мое отражение, которое мне улыбается и подмигивает.

Этого не может быть, я должен проснуться. Все это сплошная галлюцинация...

Следователь и психолог стояли за невидимым окном, наблюдая за всхлипами и потоками слёз Еркина – бывшего

фельдшера, оказывавшем помощь другим, но не в силах помочь себе.

– Он и вправду больной, док, или прикидывается? – спрашивает следователь.

– У него случился провал памяти после того, как он напал на вас на допросе. Разговаривал пару раз с погибшей женой и дочкой. В приступе психоза, не контролируя себя, напал на других больных. Мы сочли его опасным и поместили в изолированную комнату. Что насчет убийств, он убежден, что он их не совершал.

– На ноже под матрасом обнаружены его отпечатки пальцев, кровь на ней принадлежит его жене и дочке. По словам его коллег с работы, от него на протяжении недели шел запах гниения и во время разговора по телефону второй сказал, что слышал продолжающиеся гудки звонка. На том конце никто не поднял трубку, в то время как он разговаривал с женой, чтобы предупредить её касательно работы. Остальные говорят о нем только хорошее – образцовый работник и не могут поверить, что это случилось.

– Это вылечивается?

– Нужны курсы антипсихотиков и надеяться, что ремиссия – период, когда он нормальный человек будет длиться долго. Знаете, все индивидуально – у кого-то это год, у другого – пару дней. Так что нам предстоит долгий путь.

– Вы бы вернулись в мир, где убили члены своих семей и

одного невинного, док?

В ответ психиатр лишь молчит.

– Порой я сомневаюсь, что врачи оказывают помощь- говорит он и уходит.

После напряженного рабочего дня психиатр садится за ужин со своей семьей. На вопрос: «Как прошел день?», он отвечает:

– Ничего особенного.

Жестокая характеристика, конечно, он понимает, что за каждым пациентом кроется своя история, и у него нет желания обсуждать это со своей семьей. Этот треугольник, состоящий из него, пациента и его демонов, не должен разветвляться. Он лишь счастливый обладатель билета отсутствия психиатрических проблем. К старости, он, возможно, умрет от других патологии. Другие патологии хотя бы находят отражения на изменениях в исследованиях врачей. Да и вероятности полного излечения повыше.

– Пап, подай, пожалуйста, хлеба – говорит его сын.

Он смотрит на своих детей.

Окажутся ли они в числе обладателей билета?